

чиво окончание: «Горит село, горит родное,/Горит вся родина моя», но нередко финал посвящается личным обстоятельствам героя: «Теперь остался сиротою,/Теперь я круглый сирота»; «Злодей пустил злодейку пулю,/Убил красавицу сестру»; «Сестра из лодочки упала./Вскричала: «Брат, спаси, родной»; «Тебя я больше не увижу,/В Дуная волны брошусь я» и др. В известной песне Великой Отечественной войны «Утром на светанке» рассказывается о недолгой встрече молодых людей. Девушка провожает паренька в бой и надеется на встречу после победы. Большинство песенных записей имеют этот подразумеваемый благополучный финал, но встречаются и варианты с трагичным окончанием: «Он погиб за родину свою». Подобные изменения наблюдаются и в современных песнях о любви. Так, в песне о неразделенном чувстве «У дороги куст калины» концовки варьируются. В одном случае они представляют собой иносказательный рассказ о брошенной калине, в другом, менее драматичном, выражается надежда на встречу, ее ожидание: «Буду я любви верна, не остануся одна». Другой пример: в текст песни «На горе колхоз» включаются строки, уточняющие характеристики героев и их отношения: «Ты командир полка, а я доярочка», «Он герой труда, а я доярочка./Хороша из нас будет парочка»; «Он комбайнер полей» и др. Песня «На горе колхоз» обычно заканчивается упоминанием о новой любви: «Я пойду туда, где густая рожь,/Я найду того, кто на меня похож», но ее финалом может быть и какая-либо обобщающая сентенция, что издавна характерно для лирических песен и романсов.

Так же могут быть рассмотрены и другие песни, отличающиеся динамизмом повествования («Раскинулось море широко», «Кружится, вертится шар голубой», «Огонек», «И кто его знает» и др.)

Репертуар песен советской эпохи состоит из произведений разных лет — от песен, имеющих несколько архаичную окраску, до новейших авторских сочинений. В процессе устного бытования происходит отбор песен и их варьирование, обусловленное особенностями переживаемого времени, существующими фольклорными традициями и индивидуальными вкусами исполнителей. Новые записи песен советской эпохи позволяют уточнить наблюдения над их сюжетным составом, способами их усвоения и передачи, направлениями и приемами варьирования.

В. А. СМИРНОВ

Ивановский университет

РАБОЧИЙ ФОЛЬКЛОР ИВАНОВСКОГО КРАЯ

В науке сложилось довольно устойчивое мнение о том, что Ивановская область, как самая молодая в центрально-промышленном районе, не имеет своих исторических корней, а рабочий фоль-

клор представлен в ней частушками, песнями литературного происхождения и жестокими романсами. Но при этом, с нашей точки зрения, упускалось из виду следующее обстоятельство: область образовалась в 1918 г. не просто как новая административная единица, а как промышленный регион со своими давними экономическими и культурными связями. Регион развивался как центр текстильной промышленности (здесь даже традиционное вождение хороводов носит своеобразное название «ходить в основы», связанное с традиционно сложившимися промыслами — резьбой по дереву, ткачеством и набойкой). Специфика Ивановской промышленной области проявляется и в том, что посадки на ее территории формировались не вокруг крупных городов, как это бывает обычно, а вокруг сел.

От посадов, которые качественно изменили весь уклад традиционной деревенской жизни, от особой формы развития промышленных сел и идут корни рабочей песни, рабочих преданий, толков, слухов, святочных представлений и сценок.

Не случайно в письме к известному ивановскому краеведу И. И. Власову академик Ю. М. Соколов отмечал: «Вы, ивановцы, многое можете сделать в области изучения рабочего фольклора, его возможных связей с традиционным, крестьянским»¹. Именно И. И. Власову впервые удалось доказать, что песня «Вы леса, мои лесочки», присланная корреспондентами П. В. Киреевского из Звенигородского уезда Московской губернии, была создана в селе Иваново². К сожалению, до сих пор даже в учебных пособиях она публикуется только как образец песни «рабочих людей» без соответствующих комментариев, без анализа ее поэтической системы. Нередко в научной литературе прямо говорится о том, что в этой песне нашли отражение пассивность рабочих, их иллюзорные представления о взаимоотношениях с хозяевами. Как отмечает К. Е. Корепова, некоторые исследователи вообще отказывались видеть в ней рабочую песню, так как по содержанию и по форме она близка к традиционной крестьянской лирике³. Безусловно, такой взгляд грешит упрощенчеством и по сути своей антиисторичен. Достаточно сопоставить эту песню рабочих людей села Иваново с песнями «разинского» цикла, чтобы увидеть их генетическую связь:

Вы леса мои, лесочки, леса темные,
Уж как в тех лесах кустики призаломаны,
У молодец в фабричных глаза призаплаканы.

¹ Письмо приводится в качестве приложения к статье: Власов И. И. // Рабочий край (Иваново). 1936. № 12. С. 47.

² См.: Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1918. Вып. 2, ч. 1. (Новая серия); Песни русских рабочих/Вступ. статья, подгот. текста и примеч. А. И. Нутрихина. Л., 1963. С. 54, 250.

³ См.: Корепова К. Е. Некоторые проблемы издания рабочих песен//Русский фольклор. Л., 1979. Т. 19. С. 182.

Как навстречу молодцам главные хозяева
Грачев с Карнауховым...⁴
Вы леса ль мои, лесочки, леса темные,
Вы станы ль мои, станочки, станы теплые.
Уж как вы ль, мои станочки, поразломлены.
Все товарищи мои, все приятели поразловлены.
По злодейкам по тюрьмам порассажены...⁵

Вряд ли можно считать протест рабочих села Иванова, выраженный в песне «Вы леса ль мои, лесочки», пассивным. Очевидно, следует учитывать не только время ее создания — конец XVIII в., когда взаимоотношения фабричных рабочих и хозяев строились на патриархальной основе, но и сам характер изменений, происшедших в песне в результате ее варьирования.

Следует, вероятно, учесть и то, что предпринятие Грачева и Карнаухова было набоечным, а не ткацким. Откуда же тогда фраза: «Я поставлю вам станы новые, самолетные, /Нанесу ценушку высокую. /Салфетки по рублику»? Скорее всего она является своеобразным «дополнением», вариантом текста. Сама же параллель: «кустики призаломаны — глаза призаплаканы» говорит совершенно о другом. Хорошо известно, какие «сынки» были у Степана Разина, и переключка мотивов носит в данном случае особый характер.

Особенности происхождения и развития песен рабочих людей, очевидно, будут лучше поняты, если мы привлечем контекст, связанный с укладом, особенностями жизни фабричных сел. Восстановить его можно по рассказам и очеркам полузабытых или вовсе забытых писателей — их свидетельства приобретают во многих случаях характер документа, конкретного свидетельства, помогающего понять особенности содержания того или иного жанра рабочего фольклора.

В этом отношении чрезвычайно интересен эпизод из неоконченного романа старшего современника Ф. Д. Нефедова В. А. Рязанцева⁶, у которого Нефедов, несомненно, многому учился. Так, описывая быт села Иванова начала 60-х гг. XIX в., В. А. Рязанцев приводит следующий весьма характерный эпизод: в жалкую каморку, ставшую притоном для всякого рода заблудшего люда, приходит персонаж, над которым всячески потешаются и которого в то же время побаиваются:

«— Безоброчный, Сеня Безоброчный пришел.

В каморке появилось нечто такое, чему трудно было придумать название человек. Весь в лохмотьях, каких-то отрепьях, Сеня Без-

⁴ До сих пор, к сожалению, в учебной литературе приводится ошибочное цитирование: «Грача Скарнаухова». Можно понять корреспондентов П. В. Киреевского, неточно записавших фамилии известных ивановских фабрикантов, но после уточнений, сделанных на основании комментариев И. И. Власова Ю. М. Соколовым в его учебнике «Русский фольклор», такое «цитирование» понять трудно. Документацию текста см. в сноске 2 данной статьи.

⁵ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1862. Ч. 2. № 41.

⁶ Подготовленный к печати роман В. А. Рязанцева хранится: Лит. музей Иван. гос. ун-та. Ф. 105.

оброчный держался вместе с тем молодцом.

— Откуда, Сеня? Где пропал?

— Эва, где. Мы купцам тихую милостыню в неурочный час на мосту подаем, дубиной вязовой кафтаны шьем. Раз стегнул, вот тебе и рубль, два — и полтина вся. Угадываешь, каковы мы портные?! Приходи к нам, в накладе не будешь»⁷.

Примечательно, что в известном романе Матвея Комарова «Приключения Ваньки Каина, бывшего московского сыщика и разбойника» (где, кстати, впервые были приведены песни «разинского» цикла), выдержавшего, как известно, свыше 250 изданий, приводится сходный эпизод: «Мы пришли под Каменный мост, где ворышкам был погост. Они мне и сказали, ты нашего сукна епанча. Люди мы смирные, портновским делом занимаемся: проходящим по сему мосту тихую милостыню подаем. Дубиной махнем — кафтан сошьем, вдругорядь — однорядку. Отчего у нас пол и середка — чистого серебра, а сени и повети изнавашаны голода и босети»⁸.

Нетрудно заметить своеобразную переключку между окольными речами Сени Безоброчного и «друзей» Ваньки Каина. Обусловлена эта переключка, с нашей точки зрения, традициями русской народной смеховой культуры, о которых в свое время писали В. П. Адрианова-Перетц⁹, Д. С. Лихачев, А. М. Панченко¹⁰.

Эти традиции, судя по всему, приобретали особое значение именно в посадской среде, наиболее чутко реагирующей на социальную несправедливость, гнет и бесправие. С ними генетически связана та область рабочего фольклора, которая включает сценки, действия, разыгрываемые во время святочных гуляний, масленицы.

Примечательно, что в памяти старшего поколения города Иваново сохранился не только образ балагура, пересмешника Бурилы (мыкавшийся по фабрикам рабочий Федор Дмитриев), но и его остроты, шутки, мгновенно расхопившиеся по всему Иваново и бывшие своеобразной «живой газетой», откликом на события начала века. Уже в наше время образ Бурилы стал центральным в сказках М. Х. Кочнева, но в них, в отличие от сказов П. П. Бажова, к сожалению, не всегда соблюдено чувство меры и речь Бурилы чересчур изукрашена «цветистыми» оборотами.

Так, на одном из масленичных гуляний, куда по традиции, идущей от крестьянского быта, выезжали купеческие сынки на

⁷ Лит. музей Иван. гос. ун-та. Ф. 105. С. 117—118.

⁸ Комаров М. Приключения Ваньки Каина, бывшего московского сыщика, вора и разбойника, им самим написанные. СПб., 1784. С. 57.

⁹ См.: Адрианова-Перетц В. П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVIII—начала XIX в. // Тр. отд. древ. рус. лит. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 335—338; Русская демократическая сатира XVII века // Подгот. текста, статьи и коммент. В. П. Адриановой-Перетц. М., 1977.

¹⁰ Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. М., 1976; Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984.

тысячных рысаках, запряженных в богато украшенные ковровые сани, Бурила появился на угольных дровнях, запряженных водовозной клячей. «Выезд» украшался мочальной упряжью и уличным фонарем. Обращаясь к своей кляче, Бурила начинал «представление»: «Ну, будь поживей, нечего среди богатства дичиться, дай мне с супругой соколом прокатиться! Или ты не видишь, что все купечество злится, что не может на таком «рысаке» прокатиться!»¹¹ А затем уже обращался к купцам, публике: «А, гоняться хочешь, — смотри на язык Буриле наскочишь, после и придется слезно, да будет поздно.

— Эй, публика! Сторонись от меня, не задерживай коня! Видишь его прыть, как бы кого не задавить!»

Примечательно, что приз за «лучший» выезд, а главное, за остроумие, насмешку публика присуждала единодушно Буриле. Популярность этого балагура в Иваново была так велика, что полиция не смела пальцем его тронуть, а хозяева боялись вступать с ним в спор. Одна из наших информанток (Трофимова Августа Афанасьевна, 1917, образование среднее) вспомнила следующий эпизод, слышанный ею от отца: «Как-то Бурила вступил в спор с известным ивановским фабрикантом Гарелиным из-за невыплаты жалованья. Стремясь отвлечь внимание рабочих, Гарелин завел речь совсем о другом: «Бурилушка, сделай милость, ты ведь у нас мастак (подмигивая рабочим), скажи, чего в этой штучке полотна не хватает?» (Тогда, знаете, прибавила информантка, тоже за качество боролись, только без показушности, как сегодня). Глядит Бурила, вроде и колер подходящий, и качество хорошее, ткань гладкая, без охостьев, «ершей». Хочется хозяину поддеть, осрамить рабочего человека, мол, ничего не скажешь, всем взяла ткань. А Бурила и здесь нашелся, отвечает хозяину: «Пять аршин Буриле на рубашку, да и еще заработанного». Тут Гарелину деваться некуда, велел выдать и жалованье, да и за остроумие наградил»¹².

Как отмечают Д. С. Лихачев и А. М. Панченко, в мире спутанных отношений, «мире навыворот» смех скомороха, шута, балагура направлен не только против социальной несправедливости, алогичности действительности, он нередко обращен на самого пересмешника¹³. Изображение «антимира» предполагает и обращение к особым стилистическим приемам, создание своей образной системы, в которой преобладают гротеск, оксюморон и оксюморонное сочетание фраз (соединение либо противоположных по значению слов, либо предложений с противоположным смыслом)¹⁴.

По сути дела, ивановский Бурила — родной брат сказочного Горшени и многочисленных героев русских социально-бытовых ска-

¹¹ Колонин В. Бурило: (из старых типов гор. Иваново-Вознесенска)// Рабочий край. 1927. № 192.

¹² Записано автором статьи в местечке Минеево в авг. 1977 г.

¹³ См.: Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней руси. С. 76.

¹⁴ См.: Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 453–454.

зок. Как и они, Бурила побеждает своих социальных антагонистов при помощи ума, хитрости, особой метафоричности мышления, которые помогают ему дурачить и тем самым посрамлять противников.

Традиции народной смеховой культуры, как предполагают указанные исследователи, восходят, по крайней мере, к домонгольскому периоду, но особую остроту и актуальность они приобрели в «бунташном» XVII в. Показательно, что в рабочем фольклоре эти традиции актуализировались накануне 1905 г., когда масса рабочих стала сознавать свое социальное единство, когда стихийный протест против угнетения получил свое качественно новое выражение, а сама социальная активность дала такую форму самоуправления, как Советы.

Как сообщил нам старейший краевед из Вичуги С. Ф. Горбунов, уже в 1891—1895 гг. в доме учителя Н. Миндовского при непосредственном участии Ф. И. Щеколдина (соратника В. И. Ленина, одного из видных агентов «Искры», которого Владимир Ильич ценил «как преданного делу партии, настоящего товарища»¹⁵) выходил рукописный журнал «Звонок», помещавший в своих страницах литературные произведения рабочих¹⁶. Характерно, что многие из этих произведений начинающих поэтов стали впоследствии рабочими песнями. «Протягивали» в рабочих песнях подрядчиков, главных вичугских богатеев, ивановских фабрикантов. Соратники В. И. Ленина отлично понимали, что меткое рабочее слово, доступное и понятное массам, является особым оружием, и «Звонок» мыслился ими не только как приобщение рабочих к литературе, но и как продолжение народных традиций¹⁶. И поэтому наряду с песнями начинающих поэтов в нем так много частушек, которые в конце XIX в. приобрели в рабочей среде необыкновенно большую популярность. В статье «Рабочая частушка» И. И. Власов приводит ряд текстов, записанных в Шуйском уезде в 1901—1907 гг. местным собирателем В. А. Водарским (бывшим секретарем А. Н. Пыпина, высланного в Шую за участие в демонстрации петербургских студентов в 1893 г.):

С фабрикантами нам худо:
Едят хлеб наш трудовой,
Так гуляйте же, покуда
Вас не вывели метлой.

Ты, тальяночка моя,
Мне с тобою весело,
Фабриканты все у нас
Что-то нос повесили¹⁷.

Прекрасно понимая всю важность сохранения в памяти народной этих великолепных образчиков рабочего фольклора, известный ивановский поэт Д. Н. Семеновский писал в предисловии к сборнику собранных им перед Октябрьской революцией и позже частушек: «Литература есть отражение жизни. Народные песенки-

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 238.

¹⁶ Пользуясь случаем, благодарю С. Ф. Горбунова за сообщенные сведения и присланные рукописи журнала «Звонок».

¹⁷ Власов И. Рабочая частушка//Пламя. 1935. № 12. С. 14—15.

чапушки есть одно из лучших и самых полных отражений чаяний народа»¹⁸. Значимость рабочего фольклора отлично понимал и один из первых редакторов газеты «Рабочий край», известный журналист, критик и публицист ленинской школы А. К. Воронский (впоследствии редактор первого «толстого» журнала «Красная новь»). На страницах «Рабочего края», а затем и «Красной нови» он охотно предоставлял место для публикации образцов рабочего фольклора, поощрял своих сотрудников к собиранию и изучению его, и эти традиции собирательской работы сохранились вплоть до Великой Отечественной войны. К сожалению, в послевоенный период краеведческое, собирательское движение в Ивановском крае пошло на убыль.

Кафедра русской литературы Ивановского государственного университета видит одну из своих первоочередных задач в подготовке сборника рабочего фольклора, а также в разработке перспективных направлений его изучения.

В. Н. МОРОХИН

Горьковский университет

ФОЛЬКЛОР СУДОРАБОЧИХ ВОЛГИ И ЕЕ ПРИТОКОВ (ПО ЗАПИСЯМ 1960—70-х гг.)

Волжский бассейн, охватывающий значительную часть территории Российской Федерации, представляет собой весьма оригинальный и богатейший регион как в историко-экономическом, так и в фольклорно-этнографическом отношении. Великая русская река Волга, являясь с давних пор одним из главных средств общения народов и важной торгово-транспортной артерией страны, имела большое значение для развития производительных сил нашей Родины. Исстари ласково именуемая «кормилицей», она давала возможность применить свой труд, ум тысячам и тысячам людей. Первоначально это был тяжелый и безрадостный «судовой промысел» «гулящих ярыжных»¹ людей-бурлаков², в котором еще в первой трети XIX в. на Волге и ее притоках было занято почти полмиллиона человек³, позднее — не менее изнурительный и неблагодарный труд на коноводках⁴ и, наконец, работа на всевозможных паровых судах. Такой труд неизменно требовал от многотысячной армии

¹⁸ Гос. арх. Иван. обл. Ф. 2875. Оп. 3. Ед. хр. 192.

¹ Ярыжка, ярыга — «бездомный батрак, а также, нередко, беспутный шатун, пьяница» (В. И. Даль).

² Бурлак — от тат. буйдук «холостой, бездомный» — «крестьянин, идущий в чужбину на заработки, особенно на речные суда» (В. И. Даль).

³ См.: Арсеньев К. И. Гидрографическое обозрение России // Журнал министерства внутренних дел. 1836. Ч. 19. С. 26.

⁴ Коноводки — конные, или коноводные, машинные суда, в которых к тяге судов была применена, вместо людской, лошадиная сила.